

«Нам не хватает такого, как Вольтер. Не вождя, который поведет армии, а духовного лидера, который и сдержит своим обаянием революции, и будет чувствовать социальную справедливость».

Кирилл Калинин

Выходит в свет новый роман

Василия АКСЕНОВА

«Вольтерьянцы и вольтерьянки». О героях своего произведения – и не только о них – писатель беседует с корреспондентом «МН»

О ВОЖДЯХ И КРАСАВИЦАХ

моск. новости - 2004 - 5 февр - с. 12

– Несколько лет назад я читал книгу о переписке Вольтера и Екатерины Второй. Там много было цитат из писем, которые звучали своеобразным диалогом очень близких людей, чуть ли не влюбленных, даже с некоторыми моментами ревности. И я подумал: сочинить бы в жанре true stories which never happened – правдивые истории, которых не было, – такую как бы анекдотическую историю, наполнив ее множеством достоверных деталей, не очень серьезную, как часто у меня бывает в начале, а потом углубить... Особенно меня пленяла идея встречи Вольтера и Екатерины.

– Но ведь в реальности они не встречались.

– Во всяком случае, мы не знаем об этом, а здесь императрица назначила бы философу свидание где-то в Европе и на свидание выехала на стопушечном корабле... И так, между делом, начал заполнять альбом, толстый такой, различными сведениями об эпохе, именами, деталями убранства мундира Семеновского или Преображенского полка, выражениями, эпиграммами. Какие-то стишки вольтеровские переводил. Все это накапливалось, накапливалось – вдруг появлялся кусок прозы, например, выход линейного корабля в море... Потом перескакивал к другому. Пока не почувствовал: можно начинать последовательное повествование.

– Это похоже на игру в роман.

– Вот именно – просто сочинительство. Никаких заранее подготовленных идей, планов, интересовало лишь, что получится с этим материалом в результате моей конструктивной деятельности. И это был главный кайф работы. Я не знал, что будет на следующей странице или через десять страниц.

– В результате получился старинный роман, одним из героев которого, причем полноправным, стал язык. В нем – сочетание архаики с языком допушкинской поры, щедро сдобренным калькированными французскими оборотами... Коктейль, из которого, может быть, и вырос современный русский язык?

– Самый страшный для меня было – найти язык. Иногда я был на грани того, чтобы бросить все это. Потом все-таки удалось поймать интонацию, в которой можно использовать архаику и в то же время встроить наш день. А потом в романе много о Вольтере, и надо было учесть его манеру речи. В сравнении с современным французским он говорил витиевато, с невероятными любезностями и преувеличениями. Примерно так, как сейчас французы завершают свои письма: «Примите мои уверения в совершеннейшем почтении».

– Приведенные в романе вольтеровские письма для современного читателя тонально приторно-льстивы. Но Вольтер не был льстецом?

– Вольтер был невероятным льстецом. В этом-то и сложность его личности. А еще Вольтер, выражаясь современно, был невыносимым пиарщиком. Он обладал грандиозными связями в аристократическом мире и не упускал возможности пользоваться ими.

– Философ знал толк в бизнесе?

– Еще как! В определенный мо-

мент он понял, что должен стать богачом. Премьера «Семирамиды» принесла четыре тысячи ливров, и он сразу отдал деньги в рост. Через «нужных» людей доставал подряды для армии, поставлял в армию сукно, провиант и колоссально разбогател. И все это сочеталось в нем с искренним вниманием к униженным и оскорбленным, с борьбой против лицемерия... «Раздавить лицемерие», – он сказал.

– Вольтер у нас порядком забыт, на нем лежит печать чего-то скучного, хотя философствовал он мимоходом, шутливо, чем и восхищался Пушкин.

– У меня такое ощущение, что он и сам говорит: «Я не настоящий философ». Он им и не был. Но был демиургом. Мне захотелось, что называется, освежить представление о нем. Сказать, какой это был неотразимый человек огромной созидательной силы. Ему никто не мог отказать, аристократы бросались ему служить, народ распрягал его экипаж и тащил на себе карету – его безумно любили. Откуда бы это взялось, если бы он был скучным? У меня он много вспоминает свои любовные дела, и своих друзей, и мадемуазель Лепинас, и Эмили дю Шатле. Кстати, Эмили считалась в ту пору уродиней. А я написал, как маркиза дю Шатле входит в блистательном макияже, в бриллиантах и шуршащих юбках, которые резко отбрасывают ее ноги. Вольтеру кажется, что она идет по какому-то помосту. По-нашему – это дефиле, а она – современная красавица высокого роста с длинными ногами.

– Не только эта красавица подиума кажется нашей современницей – 70-летний Вольтер у вас предстает не стариком XVIII века, а личностью с феерической харизмой. Если какому-то политику создавать имидж, то следовало бы многое позаимствовать у Вольтера.

– Да, нам не хватает такого, как Вольтер. Не вождя, который поведет армии, а духовного лидера, который и сдержит своим обаянием революции, и будет чувствовать социальную справедливость. Просвещенного, элегантного человека с большим чувством юмора. Но, увы, нет даже намека на такого.

– Действие романа происходит в 1764 году, когда Екатерина только вошла на престол. Вольтер видел в Екатерине молодого монарха, которому можно привить либеральные идеи для создания гармонического общества. Сейчас в который раз решается судьба страны и судьба либеральных идей. Ситуации хоть в чем-то совпадают?

– Поразительно, но та ситуация совпадает с нынешними разговорами о создании либеральной империи. Во Франции «философы» раз-

рушали религию и в то же время боялись революции. Они ведь никогда не думали, что победят: в 60-е годы они просто обалдели, увидев, как широко распространился нигилизм. Конечно, Вольтер и Дидро надеялись на либеральную империю. И в Екатерине они видели идеал правительницы.

– Как была придумана история встречи Вольтера с Екатериной?

– Сначала я думал написать просто: как Екатерина приезжает и как такая дама прекрасная входит – и все. А потом вспомнилось, что тогда очень увлекались маскарадами. Елизавета приказывала кавалерам приходить в дамском одеянии, а дамам в мужском, была странная такая андрогенность петербургского двора. Сама очень любила носить мундиры. Екатерина то же самое – безумно любила переодеваться. И как-то призналась, что в мужском наряде объяснялась в любви одной даме. Мне кажется, это не просто переодевая Екатерина, это – некий мускулинический фантом, ее мужское «я». У меня в романе также все переодеваются, чем создается атмосфера двусмысленности: вроде бы все любовники всех. И Вольтер ловит себя на мысли, что влюблен в Фон-Фигину, одного из героев. Влюблен и очень боится этого. Ему в Сан-Суси Фридрих, совершеннейший гомик, подсовывал своих адъютантов и очень разочаровался, когда тот не соответствовал... А тут нате – безумная страсть к мужчине... Вот такая началась игра. Это, конечно, маскарад, сомовский маскарад.

– А можно это представить и как заигрывание с читателем.

– Нет, нет и нет! Мне тоже пришлось на ум, что могут подумать о некой спекуляции. Но надо все время иметь в виду – это век соединения полов, когда мужчины носили драгоценности, завивались, пудрились... Это – выражение женственного века, а не гомосексуализм. Вообще трудно сказать, что такое гомосексуализм. И как он распространяется. Ведь нельзя считать, что с развитием цивилизации сильнее. Напротив, в античном мире его было гораздо больше. Ницше говорил, мы – «гомо сапиенс» – переходная раса, не окончательное развитие человека, что появится следующий человек. Он имел в виду не сверхчеловека, а «человека будущего». Не исключено, что тогда не так четко будет выражено различие полов.

– Без диалога Вольтера и Фон-Фигина в романе осталась бы прелесть приключений и безудержной фантазии, но был бы утерян главный смысл написанного. Вы не побоитесь так много места уделить философии?

– Нет, философия проходит через весь центр романа. Особенно важна встреча Вольтера и Фон-Фигина.

Василий Аксенов и Евгений Попов всегда в диалоге

Здесь и черт появляется, объявляет себя атеистом, требует у Вольтера не увлиять и объявить, что Бога нет. А тот не может этого. В общем, здесь основное столкновение взглядов, идей, возникающий ужас лисабонской катастрофы 1755 года. Я очень долго с этой главой возился.

– Живописные описания русских имен – с чего начинается родина – это лишь вымысел?

– Реальность. Я описал наше родовое, с папиной стороны, село Покровское Рязанской области. Когда я первый раз приехал туда с отцом в начале 60-х, мне рассказывали, что на холме, вот тут вот, барин пустил лебедей в пруды, там беседки построил... А теперь – пьянка безумная... В избе – корова, куры... Родственница Таня утром нам с отцом выносила яичницу из двадцати яиц и бутылку мутного самогона. На наши возражения отвечала: «Вы же на отдыхе...» Я стал представлять, как жили помещики здесь, в Покровском. Вот оттуда и взялись мои герои Коля и Миша. Они – предтеча байронизма в России – были отцами декабристов. Декабристское восстание – не что иное, как восстание байронитов, а уже за байронической фазой образовалось за пару десятилетий то, что мы называем русской интеллигенцией. Эти властители в общем-то большие прагматики, атеисты, позитивисты. Что, я думаю, противоречит байроническому складу. Поэтому, мне кажется, если в России новая интеллигенция возникнет, она будет все-таки не позитивистской.

– Неужели байронической?

– Опять байронической. Даже у таких людей, как олигархи, проглядывают черты байронизма. Посмот-

рите, одному из них дают возможность бегства, он отправляется в тюрьму. Другой приезжает на территорию фактически Советского Союза под именем Платон Еленин. Разве это не байронизм?

– Ну, хорошо, возникнут байронические интеллигенты и что они смогут сделать? Привить аристократический дух?

– Пожалуй. Они смогут создать новую атмосферу жизни. Наш народ еще, прямо скажем, темный. Ему до сих пор кажется, что за границей живут совсем другие люди, им гораздо ближе какой-нибудь хам из областной администрации, чем бизнесмены, финансисты, гуманитарии. С опаской смотрят на другие конфессии, вера подменяется ритуалом веры...

– Однако по оценкам социологов, десять миллионов разделяют либеральные идеи.

– В одном я согласен с Чубайсом – результат правых на выборах – это не разгром, а поражение в одном сражении. Как ни странно, и правящая партия может быть некоторым гарантом существования оппозиции. Если придут разноглазые, будет еще неприятнее. И все же тоталитарный мир слабее либерального. Он, как в анекдоте, «сильный, но легкий». Его можно выбросить в окно. И он рассыплется. А либерализм обладает какой-то вязкостью. Вот вроде его уже совсем забыли, он пребывает в ничтожестве, как сейчас, однако он обязательно возродится.

Беседовала Ирина БАРМЕТОВА

Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» публикуется в журнале «Октябрь», №1, 2, а также выходит в издательстве «Изографус»